Анна Чер

Милая не уезжай

Анна Чер

Милая, не уезжай

«Автор»
2026

Чер А.

Милая, не уезжай / А. Чер — «Автор», 2026

В двадцать лет Мила узнаёт: в родном доме для неё больше нет места. Отец собирается жениться, а его избранница уже решила, где падчерице будет лучше. Желательно — как можно дальше.Общежитие должно стать временным пристанищем перед отъездом в Калининград. Но тут в жизни Милы появляется Дима — дерзкий, самоуверенный и совершенно невыносимый. Он называет её «милая», будто имеет на это право, и слишком легко заставляет забыть обо всех причинах держаться от него подальше. Включая его ревнивую девушку.Когда чужая ревность оборачивается подставой, а забота близких оказывается удобным способом избавиться от неё, уехать кажется самым простым решением. Только Мила устала жить по чужому сценарию.Впервые она хочет сама выбрать, где её дом. И кого впустить в своё сердце.Особенно если тот, кому она почти поверила, однажды скажет: «Милая, не уезжай».

© Чер А., 2026
© Автор, 2026

Анна Чер
Милая, не уезжай

Глава 1. Место за столом

В тот вечер папа спрятал мамины чашки.

Не убрал в посудомойку, не переставил на другую полку — спрятал. Я обнаружила их в глубине шкафа, за супницей, которую мы доставали так редко, что она вполне могла обзавестись собственной цивилизацией.

— У нас проверка из санэпидемстанции? — спросила я.

Папа обернулся от плиты.

В новой рубашке. Дома. Перед сковородкой.

Дело было серьёзнее санэпидемстанции.

— Почему?

— Ты готовишь не пельмени. Я волнуюсь.

— Очень смешно, Мила. Достань тарелки.

На столе лежала льняная скатерть. Рядом стояли цветы — не в банке из-под огурцов, как обычно после моих дней рождения, а в настоящей вазе. Папа жарил мясо и каждые полминуты проверял телефон.

Я взяла три тарелки.

Поставила две.

Третью придержала пальцами.

— Кто придёт?

Папа убавил огонь, хотя мясо и без того не подавало признаков жизни.

— Я хотел вас познакомить.

— Меня и мясо? Пап, мы уже встречались. Правда, тогда оно было сочнее.

Он не улыбнулся.

И я наконец перестала шутить.

— Женщина?

— Оксана. Мы вместе с марта.

За окном шумел июльский дождь. На кухне пахло перцем, горячим маслом и чем-то горелым.

С марта.

Четыре месяца я жила с человеком, спрашивала, купить ли ему хлеба, ругалась из-за его привычки оставлять носки возле дивана — и не знала, что у него есть целая жизнь, в которую меня не позвали.

— Почему ты молчал?

— Не понимал, как сказать.

Я опустила третью тарелку на стол.

— Обычно начинают со слов. Проверенный способ.

— Мила.

От этого тихого «Мила» мне стало стыдно.

Папа выглядел счастливым. Неловким, напряжённым, но счастливым — и я давно не видела его таким. Последние годы он в основном работал, спорил с телевизором и уверял, что одному ему отлично.

Мама умерла, когда мне было семь. Первое время я боялась забыть её голос и перед сном повторяла вслух: «Милочка, убери волосы, ты же их съешь». Потом перестала. Голос всё равно понемногу стирался.

Зато я хорошо помнила, как она встречала папу.

Брала за галстук, притягивала к себе и целовала, не обращая внимания на мои возмущённые вопли. Он обнимал её за талию и прятал лицо у неё на шее. Мама смеялась, поднимала плечи, но не отстранялась.

Мне тогда казалось ужасной несправедливостью, что взрослым можно мешать друг другу раздеваться, а мне нельзя даже разговаривать с набитым ртом.

Наверное, папе не хватало этого.

Не галстука. Человека, который ждёт его у двери.

Я подошла и выключила плиту.

— Ладно. Знакомь.

Он выдохнул.

— Ты у меня взрослая.

— Это не отменяет карманных денег.

Вот теперь он улыбнулся.

***

Оксана оказалась красивой.

Не «для своего возраста», как любят говорить люди, которым очень хочется сделать комплимент и оскорбить одновременно. Просто красивой: светлые волосы до плеч, серые глаза, тонкое голубое платье. Даже под дождём она умудрилась не промокнуть. Я после пяти минут на улице обычно выглядела как доказательство существования болотной нечисти.

— А вот и Мила!

Она протянула мне небольшой бумажный пакет.

— Витя сказал, ты любишь сладкое.

Внутри лежали пирожные с клубникой.

Я действительно любила сладкое. Особенно когда не знала, что делать с руками.

— Спасибо. Проходите.

— Давай на «ты»? А то я сразу чувствую себя преподавателем.

— Смотря по какому предмету. По некоторым я могу начать нервничать.

Оксана засмеялась и коснулась папиного локтя.

Он тут же забрал у неё сумку.

Я заметила это движение — привычное, ставшее естественным за те самые четыре месяца.

Оксана знала, куда поставить туфли. Не спросила, где ванная. А папа, проходя мимо, легко провёл ладонью по её спине.

Я отвернулась к столу.

Глупо ревновать отца в двадцать лет.

Ещё глупее — ревновать и одновременно понимать, насколько это глупо.

За ужином Оксана расспрашивала меня об университете. Не перебивала, помнила ответы, смеялась там, где я пыталась шутить. Минут через двадцать я почти расслабилась.

— Второй курс осенью? — уточнила она.

— Если деканат не передумает.

— Мила хорошо учится, — вставил папа.

— Пап, не надо портить мне репутацию.

— И готовит отлично.

— Всё. Сейчас начнётся презентация. Следующий слайд: «Умеет оплачивать коммунальные услуги, иногда с первого раза».

Оксана улыбнулась:

— Самостоятельная девушка. Это сейчас редкость.

Папа налил ей воды. Она накрыла его запястье ладонью и что-то тихо сказала. Я не расслышала, но он улыбнулся так, что я вдруг почувствовала себя лишней — не в квартире, а в этой короткой паузе между ними

Я потянулась за хлебом.

Именно тогда папа произнёс:

— Мы решили пожениться.

Хлеб выскользнул у меня из пальцев.

Упал, к счастью, на тарелку. Хоть кто-то в этой семье знал, где его место.

— Когда?

— В сентябре. Возможно, в начале октября. Ещё выбираем.

Оксана смотрела на меня внимательно.

Я заставила себя поднять глаза на папу.

— Ты поэтому сегодня в рубашке?

Он растерялся:

— Что?

— Надо было сразу галстук надевать. Для таких новостей нужен полный комплект.

Папа рассмеялся — с облегчением, слишком быстро.

А я улыбнулась. Потому что он ждал.

— Поздравляю.

Оксана протянула руку через стол и сжала мои пальцы.

— Мне очень хочется, чтобы мы подружились.

У неё была прохладная ладонь и аккуратный маникюр молочного цвета.

— Давайте… давай попробуем.

***

После ужина я вызвалась убрать со стола.

Мне требовалось занятие, в котором всё понятно: грязную тарелку моют, чистую ставят сушиться. Никаких скрытых условий.

Папа включил в гостиной музыку. Оксана тихо засмеялась.

Я выглянула из кухни.

Он протянул ей руку. Она что-то возразила, посмотрела на него снизу вверх, но всё-таки поднялась с дивана.

Танцевать папа не умел. Совсем. Его движения напоминали осторожное перемещение холодильника. Оксана, кажется, этого не замечала. Положила ладонь ему на плечо, подошла ближе.

Он поправил прядь у её щеки.

Так бережно, что у меня защипало в носу.

Я вернулась к раковине и долго оттирала совершенно чистую вилку.

Нельзя хотеть, чтобы любимый человек был одиноким только потому, что тебе так привычнее.

Я повторила это про себя дважды.

На третий раз почти поверила.

Потом унесла мусор. Задержалась на лестнице, отвечая подруге, что нет, сегодня не выйду, семейный вечер. Смайлик поставила весёлый. Очень удобное изобретение: маленькая жёлтая морда делает за тебя всю эмоциональную работу.

Когда я вернулась, музыка уже стихла.

Дверь в гостиную была приоткрыта.

— Она замечательная, Вить, — услышала я голос Оксаны. — Правда. Ты прекрасно её воспитал.

Я взялась за ручку, но следующая фраза заставила меня остановиться.

— Просто ты сам подумай… Мы поженимся. Нам ведь захочется побыть вдвоём.

Папа ответил не сразу.

— Мила нам не помешает.

— Конечно. Но ей двадцать, не двенадцать. Университет далеко, каждый день дорога… У них же есть общежитие?

Я посмотрела на пакет с пирожными, оставшийся на тумбочке.

Одно мы так и не съели.

— Есть, — произнёс папа.

Я ждала продолжения.

«Но это её дом».

Или хотя бы: «Давай спросим у неё».

За дверью звякнула чашка.

— Вот и прекрасно, — мягко сказала Оксана. — До сентября ещё успеем всё устроить.

А папа промолчал.

Глава 2. Для твоего же удобства

Я закрыла входную дверь громче, чем собиралась.

В гостиной перестали разговаривать.

— Мил? — позвал папа. — Это ты?

Нет, представитель общежития. Пришёл забирать вашу самостоятельную девушку.

— Я.

Оксана вышла в коридор первой.

— А мы тебя потеряли.

— Я мусор выносила. Не самое подходящее место, чтобы начинать новую жизнь.

Она улыбнулась, но взгляд скользнул к двери гостиной.

Поняла, что я слышала? Или проверяла, идёт ли папа?

— Будешь чай? — спросила она.

— Нет, спасибо. Я спать.

— В такую рань?

— Хочу закрепить за собой кровать, пока она свободна.

Шутка получилась неудачной. Даже для меня.

Папа появился за её плечом:

— Всё нормально?

Я посмотрела на него. Он уже расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, волосы на затылке смешно топорщились. Мой папа. Человек, который однажды в два часа ночи поехал за акварелью, потому что я забыла про школьный рисунок и рыдала над пустым листом.

Сейчас мне хотелось, чтобы он сделал что-нибудь настолько же простое.

Сказал: «Ты никуда не должна уезжать».

— Устала, — ответила я.

Проверять, услышит ли он то, чего я не произнесла, оказалось занятием бесполезным.

***

Утром меня разбудил запах кофе.

Обычно папины выходные пахли подгоревшим тостом и его недовольством мировыми новостями. Сегодня из кухни доносился женский смех.

Я полежала, разглядывая потолок.

Потом надела шорты, футболку и пошла выяснять, насколько далеко за ночь продвинулась новая жизнь.

Оксана стояла у плиты босиком, в папиной рубашке.

Вот к этому я оказалась не готова.

Не потому, что в двадцать лет считала взрослых людьми, которые после поцелуя расходятся по разным комнатам и читают инструкции к лекарствам. Просто вчера она была гостьей в голубом платье. А сегодня переворачивала блинчики моей лопаткой.

Папа сидел за столом. Когда Оксана поставила перед ним тарелку, он поймал её за руку и притянул ближе.

— Горячее, — предупредила она.

— Вижу.

— Виктор!

Она рассмеялась, а он поцеловал её пальцы — медленно, не отводя взгляда от её лица. Потом отпустил руку, но придержал Оксану за талию. Она наклонилась к нему сама, коснулась губами его виска.

Я отступила на полшага.

В этом не было ничего неприличного. Наоборот. Столько нежности, что от неё становилось неловко стоять в дверях с помятой щекой и подозрениями.

Мне тоже когда-нибудь хотелось бы вот так. Чтобы я вошла на кухню, а человек забыл про кофе, потому что увидел меня.

Только желательно на собственной кухне.

— Доброе утро, — сказала я.

Папа убрал руку.

И от этого стало ещё хуже.

— Доброе, соня. Блинчики будешь?

— Зависит от условий проживания после завтрака.

Он нахмурился.

Я села и потянулась за чашкой. Маминой, с маленькой синей веткой у ручки. Вчера перед сном я достала её из шкафа.

Оксана заметила, но ничего не сказала.

Некоторое время мы ели молча. Потом папа спросил, какие у меня планы на август.

— Подработка. Море. Внезапное наследство. Пока сработал только первый пункт.

— Ты ведь говорила, что устаёшь ездить в университет.

Я положила вилку.

Началось.

— Говорила. Особенно когда автобус уходит у меня перед носом. В такие минуты я ещё предлагаю закрыть университет и отменить образование. Это не официальные обращения.

— Мила, — мягко произнесла Оксана, — никто ничего за тебя не решает.

— Отлично.

— Мы просто подумали, что тебе было бы удобнее жить поближе.

— Вы подумали.

Папа отодвинул тарелку.

— Не цепляйся к словам.

— Тогда давай к смыслу. Вы хотите, чтобы я переехала?

Оксана посмотрела на него. Он провёл ладонью по лицу.

— Мы хотим обсудить варианты.

Почему-то именно это спокойное «варианты» задело сильнее всего. Словно речь шла о старом диване: отвезти на дачу, продать или пока оставить.

— Какие?

— Можно снять квартиру, — сказал папа. — Небольшую. Рядом с корпусом.

Я невольно выпрямилась.

Своя квартира. Никто не спрашивает, почему я ужинаю хлопьями. Никто не включает дрель субботним утром. Можно завести кота и назвать его Декан, чтобы хоть один декан радовался моему появлению.

— Правда?

Папа заметил моё выражение и улыбнулся:

— Правда. Надо посчитать.

— А первый взнос? — негромко спросила Оксана.

Он повернулся к ней.

— Какой первый взнос?

— За аренду. Залог, комиссия. Плюс ежемесячные платежи. У нас ведь свадьба, Вить. Я не против, просто давайте без решений, которые потом придётся отменять.

Она говорила разумно.

Самое неприятное — совершенно разумно.

Я опустила взгляд на блинчик, который успела разрезать на восемь аккуратных частей.

— У университета хорошее общежитие, — продолжила Оксана. — Я посмотрела фотографии.

— Когда успела?

— Вчера вечером. Мне стало интересно.

Пока я лежала за стеной и убеждала себя не портить папе счастье, она рассматривала моё новое жильё.

— На фотографиях у нас и столовая выглядит рестораном, — сказала я. — В жизни котлета смотрит на тебя так, будто ей тоже обещали другое.

Папа коротко усмехнулся. Оксана — нет.

— Там живут твои ровесники. Общение, студенческая жизнь. Не будешь зависеть от нашего расписания.

— А сейчас завишу?

— Мы будем готовиться к свадьбе, приглашать людей…

— Я умею здороваться с гостями. Иногда даже не кусаю.

— Мила, хватит, — сказал папа.

Негромко. Но я замолчала.

Он вздохнул.

— Мы ничего не решили. Я только прошу тебя подумать.

— А если я подумаю и не захочу?

Он посмотрел на Оксану.

Всего на секунду.

Мне хватило.

— Обсудим, — ответил он.

Я встала, отнесла чашку к раковине. Кофе почти не тронула.

— Спасибо за завтрак.

Оксана поднялась следом.

— Не надо воспринимать это так, будто тебя выгоняют.

Я обернулась.

— А как надо?

Она поправила рукав папиной рубашки.

— Как возможность стать самостоятельнее.

— Я подумаю, — сказала я.

На этот раз получилось почти вежливо.

***

В комнате я открыла ноутбук.

Общежитие действительно находилось в десяти минутах от главного корпуса. На сайте улыбались три девушки с папками. Судя по их лицам, горячую воду им не отключали никогда.

Я закрыла страницу.

Потом снова открыла.

Мне не хотелось жить здесь назло Оксане. Но и уходить, чтобы ей было удобнее целовать папу на кухне, тоже не хотелось.

В дверь постучали.

Папа вошёл с моей чашкой. Над кофе поднимался пар.

— Новый сделал. Тот остыл.

Я взяла её обеими руками.

Он сел на край кровати.

— Ты ведь понимаешь, что я тебя люблю?

— Понимаю.

— Тогда почему смотришь так?

Я долго искала ответ, который не прозвучал бы детским.

Не нашла.

— Потому что вчера ты убрал мамины чашки. А сегодня обсуждаешь, куда убрать меня.

Он дёрнулся, словно я задела больное место.

— Мил…

— Я не против Оксаны. Правда. Только спроси сначала меня. Не про то, что я думаю о ваших вариантах. А чего я сама хочу.

Папа кивнул и накрыл мою руку своей.

Несколько секунд мы сидели молча.

Потом на его телефоне прозвучал сигнал сообщения.

Он достал его, посмотрел на экран. Убрал звук.

Но я уже успела прочитать сообщение от Оксаны:

«Контакт коменданта отправила. Лучше позвони сегодня, пока Мила не передумала».

Я медленно высвободила руку.

— Пап… А на что именно я уже согласилась?

Глава 3. Не называй меня милой

— Ни на что ты не согласилась, — сказал папа.

Он перевернул телефон экраном вниз. Поздновато: сообщение Оксаны уже успело устроиться у меня в голове и снять там жильё.

— Тогда почему я могу передумать?

— Она не так выразилась.

— А ты сейчас как выражаешься? От себя или вы уже согласовали ответ?

Папа поднялся с кровати.

— Я понимаю, что всё получилось резко. Но не надо делать из меня врага.

Я посмотрела на чашку в своих руках. Кофе снова остывал.

— Я и не делаю. Поэтому так обидно.

Он задержался у двери.

— Без твоего согласия никаких заявлений. Договорились?

— Договорились.

Мне хотелось ему поверить. Я даже кивнула.

***

Через неделю я поехала в университет.

Не подавать заявление на общежитие. Узнать условия. Между этими действиями была существенная разница, которую я утром объяснила папе, а потом ещё раз — себе в автобусе.

Заодно требовалось забрать справку для подработки: в августе я собиралась помогать в детской творческой студии. Если уж становиться самостоятельной, то желательно не только на словах Оксаны.

В июльском университете пахло влажной уборкой и нагретыми подоконниками. Абитуриенты толпились у приёмной комиссии, родители держали папки так крепко, словно внутри лежало будущее всей семьи. Впрочем, возможно, так и было.

Нужный кабинет оказался закрыт на перерыв.

Разумеется.

На часах было одиннадцать сорок. На двери — «Обед с двенадцати».

У сотрудников деканата, видимо, существовал подготовительный этап: морально настроиться на котлету.

Я купила в автомате кофе и направилась к стенду с объявлениями. На ходу достала телефон — папа спрашивал, добралась ли я.

«Да. Пока не заселили», — напечатала я.

И врезалась в кого-то у поворота.

Стакан дёрнулся. Крышка слетела. Кофе плеснул на белую футболку перед моим носом.

Чужая рука подхватила меня за локоть раньше, чем я успела отступить на мокрый пол.

— Осторожнее.

Голос был низким, спокойным. Неприлично спокойным для человека, которому только что испортили одежду.

Я подняла глаза.

И на секунду забыла, что собиралась сказать.

Он был красивым настолько, что хотелось найти недостаток из принципа. Тёмные волосы, чуть влажные у висков, прямой нос, широкие плечи. Серо-голубые глаза смотрели внимательно, без привычной суеты человека, который проверяет, сильно ли пострадала его футболка.

Недостаток нашёлся быстро.

Он улыбнулся.

Так, будто происходящее его развлекало.

— Телефон цел? — спросил он.

— Да.

— Хорошо. А то я переживал, что зря заслонил его грудью.

Я выпрямилась.

— Ты тоже мог смотреть, куда идёшь.

— Я стоял.

Я посмотрела ему за спину.

Дверь аудитории. Он действительно мог просто стоять у двери.

Неприятная подробность. Совершенно лишняя в моём обвинении.

— Тогда ты неудачно стоял.

Уголок его рта дрогнул.

— Учту. В следующий раз повешу знак.

Я наконец заметила, что он всё ещё держит меня за локоть.

Он тоже заметил — и сразу отпустил.

Но кожа под его пальцами почему-то осталась тёплой.

— Не обожглась? — спросил он уже без улыбки.

Я перевела взгляд на свою руку. Несколько капель попали на запястье.

— Нет. Кофе здесь предусмотрительно продают чуть теплее разочарования.

— Значит, футболка умерла напрасно.

Я невольно фыркнула.

Он улыбнулся шире, и мне пришлось срочно посмотреть на пятно. Нельзя же настолько радоваться человеку только потому, что у него красиво двигаются губы.

— Я оплачу химчистку, — сказала я.

— За кофе из автомата? Боюсь, эксперты откажутся устанавливать состав.

— Тогда новую футболку.

— Милая, выдохни. Это просто вещь.

Улыбка у меня исчезла.

— Не называй меня так.

Он чуть приподнял бровь.

— Как?

— Милой.

— А как тебя зовут?

Я помолчала.

Он ждал.

— Мила.

Тишина продержалась секунды две.

Потом он рассмеялся — негромко, запрокинув голову. И я, к своему раздражению, заметила маленькую ямочку у него на щеке.

Вот без неё вполне можно было обойтись.

— Даже не начинай, — предупредила я.

Я пыталась говорить строго, но улыбка всё испортила.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься.

— Дима, — представился он и протянул руку.

Я посмотрела на ладонь, потом на собственные пальцы, липкие от кофе.

— У меня аварийное состояние.

— Переживу.

Его ладонь оказалась сухой и тёплой. Он пожал мою руку коротко, но большим пальцем случайно задел внутреннюю сторону запястья.

Я почувствовала это прикосновение слишком отчётливо.

В коридоре кто-то уронил папку. Зашелестели листы. Обычное рукопожатие. Нелепо, что мне так не хотелось убирать руку.

Первой отпустила я.

— Салфетки есть? — спросила деловым тоном.

Дима достал из рюкзака целую пачку.

— Подготовился к встрече со мной?

— Теперь понимаю, что недостаточно.

Мы присели у разлитого кофе. Я промокала лужу, он собирал салфетки. Его колено оказалось рядом с моим, почти вплотную. От него пахло свежим воздухом и чем-то древесным — ненавязчиво, так что хотелось наклониться ближе и разобраться.

Я отодвинулась.

Разбираться было совершенно не обязательно.

— Ты с какого факультета? — спросил он.

Я ответила.

— Второй курс?

— Будет. Если сегодня не задержат за нападение на старшекурсника.

— На третьекурсника, — уточнил он. — Запомни для протокола.

Я поднялась, выбросила салфетки в урну и забрала со скамейки свою папку.

Из неё выскользнул листок с адресом общежития.

Дима успел поймать его у самого пола.

— Заселяешься?

— Ещё нет.

— Там нормально. Я на первом курсе жил.

Он протянул листок, но я взяла его слишком резко.

— Меня не нужно убеждать.

Дима посмотрел на меня внимательнее.

— Я и не убеждаю.

— Все почему-то очень хотят рассказать, как там замечательно.

— Не замечательно. Душ капризный, сосед храпел. Зато до первой пары можно добежать за семь минут. Если без завтрака и достоинства.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

Он заметил.

Разумеется, заметил.

— Вот. Уже не так страшно.

— Я не боюсь общежития.

Улыбка у него стала тише.

— Тогда извини. Не туда полез.

Так просто.

Без «ты всё не так поняла». Без объяснений, почему мне следует реагировать иначе.

Я опустила глаза на листок.

— Я сегодня немного…

— Вооружена стаканом, — подсказал он.

— В плохом настроении.

— Я понял. Стакан только подтвердил.

На этот раз я всё-таки улыбнулась.

Дима посмотрел на меня — и на несколько мгновений перестал шутить. Его взгляд задержался на моём лице, потом скользнул к губам и снова поднялся к глазам.

У меня пересохло во рту.

Это было нелепо. Мы познакомились пять минут назад. Он носил на себе мой кофе, а я держала инструкцию по выселению из собственной жизни.

Но мне вдруг очень захотелось, чтобы он попросил мой номер.

— Слушай, Мила…

— Дим!

Девушка у лестницы улыбалась так уверенно, словно точно знала: стоит позвать — и он обернётся.

Он обернулся.

Она подошла, положила ладонь ему на грудь, прямо поверх кофейного пятна, и поднялась на носки для поцелуя.

Я отвела взгляд.

Ну, конечно.

У таких мужчин не бывает свободного места даже в календаре, куда уж в личной жизни.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

— Небольшое столкновение.

Её глаза переместились на меня.

— Знакомьтесь, — сказал Дима. — Это Мила. А это Настя, моя девушка.

— Приятно, — произнесла я и крепче прижала папку к животу.

Настя не ответила сразу.

Она смотрела на моё лицо с таким вниманием, что я машинально провела пальцами по щеке: может, и там кофе?

Потом её улыбка изменилась.

— Так вот ты какая, Мила.

Я медленно опустила руку.

— Мы знакомы?

— Нет, — сказала Настя. — Пока нет.

Глава 4. Чужое — не трогать

— Что значит «вот ты какая»? — спросил Дима.

Настя перевела взгляд на него, и улыбка сразу стала теплее.

— Видела её в группе факультета. Ты же участвовала в весенней выставке?

Я кивнула.

Участвовала. И фотография там действительно была: я, огромный стенд и выражение человека, который две ночи клеил макет, а теперь должен изображать творческое вдохновение.

— У тебя ещё работа была с окнами, — добавила Настя.

— С дворами.

— Точно. Симпатично.

Она сказала это тем тоном, которым обычно хвалят детский рисунок на холодильнике.

Дима посмотрел на часы.

— Мне в профком на пять минут. Настя, подождёшь?

— Конечно.

Она поправила ворот его испачканной футболки. Медленно, двумя пальцами, хотя поправлять там было совершенно нечего.

Я отвела глаза.

— А я за справкой. Рада знакомству.

— Взаимно, — ответила Настя.

Дима придержал для меня дверь в коридор.

— Удачи с деканатом, милая.

Я остановилась.

— Мы же договорились.

— Я запомнил имя.

— Интонацию тоже запомни. Возмущённую.

Он усмехнулся, и я зачем-то улыбнулась в ответ.

Только потом заметила, что Настя смотрит не на него.

На меня.

***

Справку мне выдали через двадцать минут.

За это время я успела прочитать расписание пересдач, объявление о пропавшей флешке и предупреждение о недопустимости хождения по газонам. Последнее сопровождалось фотографией вытоптанной тропинки, по которой весь университет ходил с момента основания.

Я убрала документ в папку и направилась к лестнице.

— Мила.

Настя стояла у подоконника. Одна.

Без Димы она выглядела иначе: плечи расправлены, подбородок чуть выше, улыбка больше не требовалась.

— Ты что-то забыла? — спросила я.

— Хотела поговорить.

— Если про футболку, я предлагала возместить ущерб. Он отказался. Свидетелей нет, но совесть у меня чиста.

— Я не про футболку.

Она убрала телефон в сумку.

В пустом коридоре отчётливо гудела лампа.

— Дима со всеми такой.

Я помолчала.

— Какой?

— Внимательный. Шутит, помогает. Девочки часто понимают это неправильно.

Вот оно.

Я даже немного успокоилась. Обычная ревность. Не самая приятная вещь на свете, зато знакомая человечеству гораздо дольше, чем университетские справки. Я положила папку на скамейку у стены и поправила сползающий ремень сумки.

— Мы познакомились полчаса назад.

— Я видела, как ты на него смотрела.

Уши предательски потеплели.

Можно было сколько угодно возмущаться, но смотрела я действительно с энтузиазмом. Слишком уж щедро природа отнеслась к конкретному третьекурснику.

— А я видела, как ты его поцеловала, — ответила я. — Информация усвоена. Контрольную писать будем?

Настя не улыбнулась.

— Он мой парень.

— Уже представили.

— Значит, мы друг друга поняли.

Она подошла ближе. От неё пахло дорогими духами — сладкими, густыми, совершенно лишними в душном коридоре.

— Держись от него подальше.

Я медленно выдохнула.

Ещё неделю назад я, возможно, пожала бы плечами и ушла. Но после домашних разговоров о том, где мне удобнее жить, желание выполнять чужие указания заметно сократилось.

— Настя, я не собираюсь за ним бегать. Но выбирать другой коридор, если он в этом, тоже не буду.

— Не строй из себя смелую.

— Я пока строю только маршрут к выходу. Ты мешаешь.

Её взгляд стал холоднее.

— Поссоришься со мной — сама пожалеешь.

Внутри неприятно сжалось. Я не любила ссор. Даже когда очень убедительно изображала обратное.

— Это предупреждение?

— Дружеский совет.

— С дружбой у тебя интересные методы.

Я обошла её, стараясь не ускорять шаг.

В спину она ничего не сказала.

Почему-то именно это мне не понравилось больше всего.

***

На крыльце я обнаружила, что руки дрожат.

Не сильно. Ровно настолько, чтобы не попасть телефоном в боковой карман сумки с первого раза.

Прекрасно. Снаружи — остроумная героиня. Внутри — хомяк во время ремонта.

— Мила!

Я закрыла глаза.

Только не сейчас.

Дима спускался по ступеням с бутылкой воды в руке. На нём была всё та же футболка, и кофейное пятно успело приобрести очертания неизвестного материка.

— Ты папку на скамейке оставила.

Я посмотрела на свои руки.

Телефон. Сумка. Ни одного документа.

Самостоятельная жизнь начиналась уверенно.

— Спасибо.

Он протянул папку, но не ушёл.

— Всё нормально?

— Да.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— У тебя лицо такое, будто справку пришлось добывать силой.

— Почти. Принесли в жертву обеденный перерыв.

Я взялась за край папки, прежде чем он успел её отпустить. Наши пальцы соприкоснулись.

Совсем коротко.

Однако я успела почувствовать прохладный пластик бутылки у его ладони и тепло самих пальцев. Успела вспомнить, как он придержал меня за локоть, как легко засмеялся, услышав моё имя.

И разозлиться на себя.

Наличие девушки не делало его менее красивым. Просто устанавливало границу, которую следовало замечать не только после поцелуев на лестнице.

Я забрала папку и отступила.

— Слушай, насчёт кофе… — начал он.

— Я могу перевести деньги.

— Я хотел предложить купить тебе новый.

У меня совершенно некстати дрогнуло сердце.

Всего лишь кофе. Не предложение руки, сердца и совместного отпуска. А я уже стояла слишком прямо и чувствовала каждую прядь волос у щеки.

— Не стоит.

Он чуть склонил голову.

— Точно?

— Тебя Настя ждёт.

Что-то изменилось в его лице. Улыбка исчезла, но он не стал ни спорить, ни делать вид, будто не понял.

— Хорошо.

Вот и всё.

Нормальный ответ нормального человека.

Почему же мне стало досадно?

Я поправила ремень сумки.

— Спасибо за папку.

— Не потеряй по дороге, милая.

Он произнёс это тихо, без прежней насмешки.

Я посмотрела на него.

Очень хотелось сказать что-нибудь последнее. Колкое, лёгкое, такое, после чего он ещё немного смотрел бы мне вслед.

Вместо этого я кивнула и пошла к остановке.

Некоторые границы приходится проводить самой. Даже если по другую сторону очень красивые глаза.

***

Дома пахло кофе и чем-то непривычным — клеем или свежей бумагой.

В коридоре стояли два светлых квадрата, прислонённые к стене. Я не сразу поняла, что это образцы обоев.

Оксана вышла из гостиной с рулеткой.

— О, ты уже вернулась! Как съездила?

— Справку получила.

— А насчёт общежития узнала?

— Кабинет был закрыт.

Технически я не соврала. Проходила мимо — дверь действительно была закрыта.

— Ничего, ещё успеешь.

Она сложила рулетку. Металлическая лента втянулась с резким щелчком.

— Вы ремонт затеяли? — спросила я.

— Пока просто смотрим. Твой папа давно собирался освежить квартиру.

Я заглянула в гостиную. На диване лежали каталоги, рядом — блокнот с размерами.

— Папа дома?

— В магазине. Скоро будет.

Я направилась к себе и только у двери заметила маленький карандашный штрих на косяке.

Новый.

Рядом с едва различимой старой отметкой: «Мила, 9 лет».

— А здесь зачем мерили?

Оксана подошла не сразу.

— Хотела понять, пройдёт ли стол.

— Какой стол?

— Рабочий. У меня иногда бывают созвоны, нужен тихий уголок.

Я посмотрела на дверь своей комнаты.

— В гостиной не помещается?

Оксана пригладила край каталога, который держала в руках.

— Мила, мы пока только прикидываем.

Ещё неделю назад мы только заговорили о моём переезде. Теперь у моей двери стоял человек с рулеткой.

— А папа знает, что вы уже прикидываете здесь?

Оксана подняла глаза.

— Он и помогал измерять.

Глава 5. Ключ от другой двери

Я посмотрела на карандашную отметку.

В девять лет папа измерял мой рост, а я вставала на цыпочки и возмущалась, что он прижимает линейку слишком сильно.

Теперь он измерял, что поместится вместо меня.

— Понятно, — сказала я.

Оксана вздохнула:

— Мила, не надо сразу обижаться. Стол ещё даже не купили.

— Как предусмотрительно.

Я закрыла дверь своей комнаты. Осторожно, без хлопка. На громкие звуки в этом доме, кажется, обращали больше внимания, чем на слова.

***

Папа вернулся через полчаса.

Постучал, вошёл и поставил на стол тарелку с черешней.

— Помыл.

— А косточки вынул?

Он растерялся.

— Нет.

— Значит, разговор будет серьёзный. За лёгкие проступки ты обычно приносишь мороженое.

Папа сел на стул возле моего стола.

— Оксана сказала, ты расстроилась.

— Какая наблюдательная.

— Я измерял комнату, потому что она попросила посмотреть, можно ли здесь когда-нибудь устроить рабочее место. Когда ты съедешь.

— Ты говорил «если».

Он опустил глаза.

Я потянула за нитку на покрывале. Не стоило: теперь из ткани торчала целая петля.

— Пап, мне не жалко комнату. Я не собираюсь жить здесь до пенсии и пугать твоих гостей бигудями. Просто я ещё сплю в этой кровати. Можно хотя бы при мне не примерять сюда мебель?

— Можно.

Он ответил сразу, и от этого стало немного легче.

— Я не подумал, Мил. Прости.

Я кивнула. Если сейчас заговорить, голос подведёт, а рыдать над квадратными метрами совсем не хотелось.

Папа придвинул тарелку ближе.

— Давай съездим посмотрим общежитие. Вместе. Не понравится — вернёмся домой.

— А если понравится?

— Решишь сама.

Я взяла черешню.

— И моя комната пока останется моей.

— Останется.

— Без кабинета.

— Без кабинета.

— И без склада свадебных салфеток.

Он устало улыбнулся:

— Даже без салфеток.

***

Смотрели мы через несколько дней.

Комендантша оказалась невысокой женщиной с таким взглядом, что мне немедленно захотелось признаться во всём. Включая разбитую в шестом классе вазу, к которой я формально не имела отношения. Мяч имел.

— Летом место освободилось, — сообщила она, листая документы. — Можно оформить проживание с августа. Соседка хорошая, спокойная.

За стеной что-то грохнуло.

— Это не она, — добавила комендантша, не поднимая головы.

Папа кашлянул, пряча улыбку.

Комната была на третьем этаже: две кровати, два стола, шкаф и окно во двор. На подоконнике стоял горшок с базиликом.

На одной из кроватей сидела девушка в огромной футболке и ела йогурт.

— Лера, — представилась она. — Базилик общий, йогурты подписаны. В остальном я договороспособная.

Я впервые за утро рассмеялась.

— Мила.

— Очень приятно. Кровать у окна свободна. Только там иногда дует.

— Сильно?

— Для романтического развевания волос достаточно.

Папа прошёл к окну, проверил раму. Потом зачем-то открыл шкаф, потрогал дверцу.

Я смотрела на его руки.

Он всегда так делал в незнакомых местах: проверял, не шатается ли стул, надёжно ли закреплена полка. Когда-то мне казалось, что папа может починить вообще всё.

— Ну как? — спросил он.

Я огляделась.

Здесь никто не собирался со мной дружить ради его спокойствия. Не измерял стены, пока я отворачивалась. Просто стояла свободная кровать и ждала человека.

— Попробую, — сказала я. — Но это не значит, что я больше не вернусь.

Папа положил ладонь мне на плечо.

— Я понял.

***

В день переезда Оксана помогала собирать сумки.

Так старательно, что я едва успела вытащить из коробки папину зарядку и пульт от телевизора.

— Это оставим. Ему без меня и так будет нелегко.

— Конечно, — ответила она и аккуратно сложила полотенца.

Может быть, ей действительно казалось, что всё складывается хорошо. Взрослая дочь начинает свою жизнь, отец женится. На семейной фотографии мы бы, наверное, отлично смотрелись.

Я взяла мамину чашку.

Завернула в футболку и положила между свитерами.

Папа заметил, но не стал уговаривать оставить.

В общежитии он долго не уходил. Подкрутил ручку шкафа, съездил за удлинителем, спросил, хватает ли денег. Потом ещё раз спросил — вдруг с первого раза я ответила неправильно.

У двери мы замолчали.

— Звони, — сказал он наконец.

— Даже если ничего не сломалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.